

государственными трудами, поднятыми вмѣстѣ со Сперанскимъ по устройству Сибири въ 20-хъ годахъ, и затѣмъ двадцатилѣтнимъ заточеніемъ въ Петропавловской крѣпости за участіе въ событіяхъ 14-го декабря.

Поступокъ съ Бражкедемъ, изложенный въ приведенныхъ нами документахъ, доказываетъ ту же необыкновенную доброту и сострадательность ветерана, на посту, на которомъ и до него и послѣ него всего менѣе проявлялось состраданія.

Мы бы очень желали не разъ еще остановиться на И. Н. Скобелевѣ, какъ на весьма типическомъ представителѣ того русскаго общества, которое вынесло погромъ 12-го года и убѣдительно просимъ его сына, генерала Д. И. Скобелева, — сообщить на страницы «Русской Старины», — необходимые для біографіи его отца матеріалы.

Ред.

### Русскіе писатели XVIII вѣка.

#### Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Какъ ни много сдѣлано въ послѣдніе годы для разработки нашей бібліографіи, исторіи русской литературы и жизнеописаній нашихъ писателей, но нельзя не сказать, что рядомъ съ трудами нашихъ дѣятелей по части собранія, приведенія въ порядокъ и объясненія вновь открываемыхъ матеріаловъ, встрѣчаются безпрестанно достойные сожалѣнія пробѣлы, состоящія въ томъ, что матеріалы этого рода, обнаруженные въ прежнее время, не подвергаются обработкѣ, соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ. Такъ, напр., трудъ Сопикова остается безъ алфавитовъ; указанія о сочиненіяхъ даже самыхъ извѣстныхъ авторовъ у Сопикова, Плавильщикова, Смирдина, митрополита Евгенія и др. не сведены вмѣстѣ; а истина о времени ихъ изданія не можетъ быть провѣрена и признана окончательною безъ такой приговорительной работы. Имѣя подъ рукою нѣсколько такого рода матеріаловъ, я рѣшаюсь печатать изъ нихъ нѣкоторые въ видѣ опыта, присовокупляя, гдѣ найдется удобнымъ, и свѣдѣнія о самихъ авторахъ.

Объясненіе главныхъ сокращеній: Соп. — Сопиковъ; Пл. — Плавильщиковъ; См. — Смирдинъ; Евг. — митрополитъ Евгеній; Нов. — Новиковъ; Др. сл. — Драматическій словарь 1787 года. С.П.б. — Санкт-петербургъ; М. — Москва.

#### І. Алексѣй Васильевичъ Олешевъ.

А. В. Олешевъ былъ богатый вологодскій помѣщикъ. Въ 1780 году онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ

избранъ первымъ губернскимъ предводителемъ вологодскаго дворянства, которое, въ 1783 году выбрало его въ эту должность и на второе трехлѣтіе, при чемъ онъ представился съ дворянскою депутаціею императрицѣ Екатеринѣ и произнесъ ей благодарственную рѣчь („Русск. Арх.“ 1865, изд. 2, стр. 925). Имѣніе его, богатое село Ермасово, находилось въ 62 верстахъ отъ Вологды. (Ibid., стр. 926). Олешевъ былъ женатъ на младшей сестрѣ знаменитаго Суворова, Марьѣ Васильевнѣ (Рос. род. книга, ч. 2, стр. 66); единственный сынъ ихъ, Василій Алексѣевичъ, не оставилъ потомства и имѣніе Олешевское перешло къ двоюродному брату по матери, князю Андрею Ивановичу Горчакову, завѣщавшему оное князю Александру Алексѣевичу Волконскому, нынѣ умершему („Русск. Арх.“ 1865, изд. 2, стр. 296). Мнѣ неизвѣстны годы рожденія и смерти А. В. Олешева.

Память объ Олешевѣ сохранилъ съ уваженіемъ человѣкъ, самъ оставившій по себѣ самую добрую славу, — извѣстный писатель, то же воложанинъ — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (род. 25 октября 1757, ум. 29 іюля 1807). Хотя онъ очевидно былъ гораздо моложе Олешева, но это не мѣшало существованію между ними самой искренней дружбы. Муравьевъ посвятилъ ему „Эклогу“ (соч. Мур., изд. См., Т. I, стр. 11), гдѣ упоминается ихъ родина:

«Помеди, Вологда, остави на часъ  
Потокъ поспѣвшихъ волнъ, чтобы свирѣли гласъ  
Раздася, по твоимъ носясь струямъ прозрачнымъ».

Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ Олешеву (Ibid., стр. 12):

«А ты, любитель рошъ, владѣлецъ сихъ луговъ  
Начальникъ и краса окрестныхъ пастуховъ,  
Будь юности моей совѣтникомъ и другомъ,  
Ты музамъ жертвуешь и мудрости досугомъ».

„Сколько зажиточныхъ, просвѣщенныхъ и дальновидныхъ владѣльцевъ, которые составили сердцу своему пріятное наслажденіе основать убожище страждущимъ и служить человѣчеству въ семь состояній, столь почтенномъ и малоуважаемомъ, котораго жребій Провидѣніе имъ препоручило! Таковыхъ зналъ я нѣкогда почтенныхъ членовъ сего общества (вѣроятно Вольнаго Экономическаго), Петра Ивановича Рычкова и Алексѣя Васильевича Олешева на Вологдѣ, которые украшали сельское спокойствіе упражненіемъ въ испытаніи естества, въ доставленіи селянину, не только имъ подвластному, но и сосѣдственному, всѣхъ пособій земледѣлія, служили совѣтами равнымъ своимъ и часто судомъ своимъ случающіяся распри прекращали. Здравіе тѣла, здравіе души были два предмета, упражнявшіе попечительность ихъ и часто знаніе врачебной науки, знаніе человѣче-

скаго сердца привлекали вниманіе ихъ и обнаруживались спасительными дѣйствіями“ (Соч. Мур., Т. 2, стр. 296 и 297).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся очевидно къ болѣе раннему времени, Муравьевъ говоритъ:

„Но особливо оживляется общество Вологодское близостью селеній дворянскихъ окружающихъ городъ. Тщаніе къ домостроительству, согласіе, пріятность общежитія составляютъ выгодное умоначертаніе сего благороднаго общества. Таковъ между прочими достойный почтенія (Олшевъ), котораго отличное просвѣщеніе и благонравіе даютъ ему неоспоримое преимущество надъ его равными: философъ безъ своенравія и угрюмости, онъ окружилъ себя избраннѣйшими увеселеніями посреди сельской жизни. Любимъ, уважаемъ въ цѣломъ уѣздѣ, съ безпритворнымъ усердіемъ раздаетъ онъ совѣты дворянину, наставленія—земледѣльцу. Онъ мнѣ напоминатель старика Виргиліева, который наслаждался разведеніемъ сада и богатъ собственнымъ трудомъ своимъ. „Сокровища царей душою замѣнялъ“ (Ibid. стр. 322 и 323).

Доселѣ преданіе говоритъ объ Олшевѣ, что онъ былъ „человѣкъ весьма образованный по тому времени и имѣвшій у себя хорошую бібліотеку“ (Русск. Арх., 1865, изд. 2, стр. 926). Отзывъ о немъ Муравьева подтверждаетъ, что это была личность достойная всякаго уваженія.

Литературные труды Олшева суть слѣдующія:

1) Начертаніе благоденственной жизни, состоящее: 1) въ размышленіи Шпальдинга объ опредѣленіи человѣка; 2) въ мысляхъ Дю-Мулина о спокойствіи духа и удовольствіи сердца и 3) въ пятидесяти статьяхъ нравоучительныхъ разсужденій (Соп. № 6,745, С. П. б. 1774, пер. съ фр. и нѣм.; Пл., № 2,019, С. П. б. 1774, пер. съ фр. и нѣм.; См., № 1,172, С. П. б., 1774; переводъ и сочиненіе).

2) Вожь къ истинному благоразумію и къ совершенному счастью человѣческому, или отборныя о сихъ матеріяхъ мысли славнѣйшихъ въ свѣтѣ писателей: Шпальдинга, Дю-Мулина и Юнга (Соп., № 2,523, С. П. б. 1780, переводъ; Пл.—нѣтъ; См., № 1,247, С. П. б., 1780).

3) Бриллиантовая книжка, содержащая: 1) размышленія г. Шпальдинга объ опредѣленіи человѣка, съ дополненіемъ новыхъ изданій; 2) Мысли г. Дю-Мулина о спокойствіи духа и удовольствіи сердца и 3) пятьдесятъ статей нравоучительныхъ разсужденій и другихъ полезныхъ упражненій въ стихахъ и прозѣ (Соп., № 6,933, С. П. б., 1780, переводъ и сочиненіе. Пл. и См. нѣтъ).

4) Надежный, пристойный и спасительный путь къ снисванію благополучія или бриллиантовая книжка (Соп. № 9,273, С. П. б., 1780, пер. съ нѣм. и фр. У Пл. и См. нѣтъ).

Сопиковъ говоритъ (ч. 4, стр. 256), что это есть новое заглавіе № 2 и утверждаетъ (ч. 3, стр. 474), что №№ 1, 2 и 3 суть одно и тоже произведеніе.

5) Цвѣты любомудрія или философскія разсужденія: 1) о томъ, что нѣтъ спокойствія злымъ; 2) Каковъ есть человѣкъ въ естественномъ состояніи и 3) О жизни, смерти и безсмертіи человѣковъ. (Соп., № 12,523 С. П. б. 1778, пер. съ фр.; Соп. № 12,523, изд. 2, С. П. б. 1783; Пл., № 1,738, С. П. б., безъ года, пер. съ фр.; См. № 1,428, С. П. б. 1778, переводъ).

## II. Ѳедоръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

Бригадиръ Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ родился 10 февраля 1727, умеръ 27 марта 1805. Онъ былъ единственный сынъ гвардіи капитана Ивана Ильича-младшаго и Аграфены Автамоновны, рожденной Ивановой. Родной дядя его, генераль-аншефъ и александровскій кавалеръ Иванъ Ильичъ, старшій (род. 1681, ум. 24 мая 1730) былъ женатъ втайнѣ вторымъ бракомъ на великой княжнѣ Прасковѣ Іоанновнѣ (род. 24 сентября 1694, ум. 8 октября 1731), сестрѣ императрицы Анны, не оставя дѣтей отъ этого брака. Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ самъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Семеновнѣ Волконской (род. 28 апрѣля 1733, ум. 11 декабря 1793), сестрѣ извѣстнаго генерала князя Григорія Семеновича (род. 30 янв. 1742, ум. 17 июля 1824) и Анны Семеновны Олениной (род. 12 января 1737, ум. 4 февраля 1812), жены Николая Яковлевича Оленина. Такимъ образомъ Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ приходился двоюроднымъ братомъ извѣстнаго генерала князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (род. 1778, ум. 1844), бывшаго въ 1813-1814 годахъ генераль-губернаторомъ королевства Саксонскаго и Алексѣя Николаевича Оленина (ум. 1842), знаменитаго любителя искусствъ и президента императорской академіи художествъ. Любимецъ Екатерины, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19 сентября 1758, ум. 29 сентября 1803) былъ его троюроднымъ племянникомъ. Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ оставилъ единственнаго сына, генераль-майора Ивана Ѳедоровича (ум. 16 января 1812), потомство котораго существуетъ до нынѣ (Рос. род. книга кн. П. Долгорукова, ч. 1, стр. 264, 273 и ч. 2, стр. 179, 180). Главныя имѣнія его были, кажется въ Московской и Смоленской губерніяхъ.

Первое изъ немногихъ извѣстныхъ мнѣ, довольно характеристическихъ обстоятельствъ жизни Ѳ. И. Мамонова относится къ исторіи возмущенія въ Москвѣ во время чумы. 16 сентября 1771 года, на второй день бунта, когда еще господствовало полное безначаліе и чернь бросилась въ Чудовъ монастырь искать архіепископа Амвросія, но не найдя его, занялась грабежомъ, Мамоновъ, соревнуя восстановленію порядка, прибылъ съ двумя слугами въ монастырю и съ однимъ изъ нихъ вошелъ туда черезъ заднія ворота. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ бѣжать оттуда, и вслѣдъ ему полетѣли камни и полѣнья. Напрасно вздумалъ онъ обороняться шпагой и пистолетами; но во время бѣгства его къ Никольскимъ воротамъ, его били чѣмъ попало. Наконецъ кто-то ударилъ его большимъ камнемъ по головѣ, и онъ упалъ; но его не переставали бить и слуги уже

замертво принесли его за Никольскія ворота, къ гауптвахтѣ. Тогда разнесся въ Москвѣ слухъ, будто онъ умеръ (Русск. Архивъ, 1863, изд. 2, стр. 493).

Черезъ два года видимъ мы Мамонова при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Какъ любитель рѣдкостей, онъ задумалъ показывать москвичамъ свою коллекцію и хотѣлъ напечатать „привѣтствіе“, приглашавшее ихъ посѣщать его домъ, чтобы любоваться его (дѣйствительными, или мнимыми—не знаю) сокровищами. Дѣло это почему-то дошло до сената, который, по неизвѣстнымъ причинамъ, запретилъ печатаніе этого „привѣтствія“. Мамоновъ, съ приложеніемъ текста онаго, подалъ на то жалобу самой императрицѣ, которая написала московскому главнокомандующему князю Михаилу Никитичу Волконскому, 31 октября 1773 года, что нашла въ привѣтствіи „неблагопристойности“, но спрашивала, не было ли еще и другихъ причинъ запрещенію, которое Мамоновъ приписывалъ именно князю и точно ли у него въ домѣ то, что исчислено въ „привѣтствіи“. При этомъ императрица повелѣвала князю Волконскому донести ей вообще о поведеніи Мамонова, потому что въ Петербургѣ „многіе разсказываютъ объ немъ такія дѣла, которыя мало ему похвалы приносить“ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 101).

Не знаю подробностей этого дѣла и чѣмъ оно кончилось. Но черезъ пять лѣтъ Мамоновъ обратилъ на себя вниманіе уже не простыми „неблагопристойностями“, а дѣйствіями вполне требовавшими строгаго вмѣшательства со стороны правительства.

Императрица писала, 1 іюля 1778 года, къ князю М. Н. Волконскому, что до нея дошли извѣстія о жестокостяхъ и мучительствахъ Мамонова надъ его крѣпостными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые отъ него бѣжали и были пойманы. Она подозрѣвала, судя вообще по поступкамъ его, что онъ не въ здоровомъ разсудкѣ. Императрица повелѣвала удостовѣриться въ истинѣ показаній бѣжавшихъ людей, и если они окажутся справедливыми, то послать къ нему двухъ членовъ юстицъ-коллегіи или членовъ уѣзднаго земскаго суда (если Мамоновъ живетъ въ какомъ либо изъ новыхъ намѣстничествъ) для производства слѣдствія и освидѣтельствованія его умственныхъ способностей, съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ было донесено ея величеству черезъ главнѣе мѣстное начальство (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 149).

Екатерина получила отъ князя Волконскаго самое неблагоприятное для Мамонова донесеніе, и 4 марта 1779 года писала князю, что дурное поведеніе Мамонова доказано при членахъ юстицъ-коллегіи сторонними людьми, а также письменными документами. Импе-

ратрица признавала его жестокимъ господиномъ и находящимся „внѣ здраваго разсудка“, что подтверждала во всеподданнѣйшемъ прошеніи и жена Мамонова, жаловавшаяся и на мотовство мужа, прожившаго три четверти наслѣдственнаго имѣнія, состоявшаго изъ 2000 душъ. Поэтому было высочайше повелѣно приставить къ нему опекуновъ, которые не допускали бы его ни до какихъ „мучительствъ или неистовствъ“, а собираемые доходы обращали въ пользу Мамонова и его дома. Бѣглецы были возвращены въ имѣніе и отданы „въ призрѣніе опекуновъ“ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 152).

Дальнѣйшія черты жизни Мамонова мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что несмотря на достойные порицанія поступки свои, Ѳ. И. Мамоновъ имѣлъ, какъ видно, и почитателей. Въ честь его изданъ былъ Панегирикъ дворянину-философу Ѳедору Ивановичу Дмитриеву-Мамонову; писалъ и поднесъ священникъ Василій Ивановъ Соловей. М., въ листъ, безъ означенія года. Выгравированъ на мѣдныхъ доскахъ Васильемъ Иконниковымъ. (Сопиковъ, № 8,069). Мамоновъ умеръ въ 1805 году, 78 лѣтъ отъ роду.

Мамоновъ выступилъ на авторское поприще въ 1769 году, имѣя 42 года отъ роду и тогда же присвоилъ себѣ столь несоотвѣтствовавшее, повидимому, его характеру прозвище „дворянина-философа“.

Вотъ списокъ изданныхъ имъ произведеній въ прозѣ и стихахъ:

1) Любовь Психи и Купидона, соч. де-ла-Фонтена; пер. съ фр., съ присокупленіемъ книги Дворянинъ-Философъ, аллегорія. 2 части М., 1869. (Соп., № 6,121, съ отм. <рѣдка>; Пл. № 4,460; См., № 8,974; полное имя автора выставлено у Соп. и Пл.).

2) Епистола отъ генерала въ его подчиненнымъ, или генераль въ полкъ съ своимъ войскомъ. М. 1770. (Соп., № 3,752; у Пл. нѣтъ; См., № 8,035. Имя выставлено у Сопикова).

3) Слава Россіи, или собраніе медалей, означающихъ дѣла Петра Великаго и другія нѣкоторыя. М. 1770 (Соп., № 10,331 и 2 изд. М., 1783, № 10,332; у Пл. нѣтъ; См., № 2,383, изд. 2, М. 1783. Имя выставлено у Смирдина).

4) Правила, по которымъ всякій офицеръ слѣдуетъ, военную службу съ удовольствіемъ продолжать можетъ. М. 1771. (Соп., № 8,840 и 2 изд., М. 1788, № 8,841; у Пл. нѣтъ; См., № 4,245, изд. 2 М. 1788. Имя автора показано только въ Словарѣ свѣт. пис., митр. Евгенія, ч. 2, стр. 43).

5) Любовь, поэма въ семи пѣсняхъ. М. 1771 (Соп. № 8,689; у Пл. нѣтъ; См., № 8,164; у Евг. показано 2 изд., вышедшее въ 1796 году, въ Смоленскѣ).

6) Хронологія, переведенная изъ науки, которую сочинилъ де-Шевинья, дополнит. де-Лимьеръ и пр. 2 части, М., 1782 (Соп., № 12,509; у Пл. нѣтъ; См. № 2,982. Имя автора показано у Сопикова).

7) Дворянинъ-философъ, аллегорія. Смоленскъ, 1796 (Соп., № 3,099; у Пл. нѣтъ; См., № 8,361. Имя выставлено у Соп. и См. Книга эта первоначально явилась въ 1769 году при переводѣ Любви Психи и Купидона: см. выше.

Митрополитъ Евгеній (Слов. св. пис., ч. 2, стр. 43) приписываетъ еще Мамонову переводъ части Овидіевыхъ превращеній. Кажется, что онъ перевелъ не „превращенія“, а извращенія печальныя элегии Овидія, напечатанныя въ Смоленскѣ въ 1796 году (см. Соп., № 7,000).

28 февраля 1870.

Михаилъ Лонгиновъ.

Примѣчаніе. Редакція «Русской Старины», помѣщая настоящую статью, считаетъ необходимымъ замѣтить, что очеркъ этотъ составляетъ начало большого и весьма полезнаго для исторіи литературы труда, предпринятаго Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ, обширныя свѣдѣнія и труды котораго въ области отечественной библіографіи давно уже приобрѣли ему извѣстность одного изъ лучшихъ современныхъ библіографовъ. Благодаря обязательности М. Н. Лонгинова, мы послѣдовательно представимъ на страницахъ «Русской Старины» свѣдѣнія о жизни и трудахъ слѣдующихъ литературныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей прошлаго столѣтія: братьевъ Каринныхъ, братьевъ Нарышкиныхъ, супруговъ Ржевскихъ, С. Г. Домашнева, Г. Н. Теплова, И. П. Елагина, С. М. Кузьмина, Пав. Ив. Фонъ-Визина, Пав. Серг. Потемкина.

Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ наприм. Г. Н. Тепловъ, Елагинъ, Пав. Потемкинъ, играли весьма важную роль и въ политической исторіи нашего отечества за прошлое столѣтіе, — по возможности полны; біографіи кратки, но существеннаго ничего не упущено, въ чемъ и состоитъ главная задача такого труда; нечего и говорить, что все основано на фактахъ, съ указаніями источниковъ. Библіографическая же часть рѣшительно полна, т.-е. все, что представляютъ наши библіографы сведено и приведено съ точностію. Затѣмъ вполнѣдствіи времени изъ того же обширнаго труда М. Н. Лонгинова мы надѣемся сообщить свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ: Нартова, Чулькова, Попова, Рубана, Туманскаго, Эминныхъ, Веревкина, Левшина и нѣк. другихъ.

Чтобъ дать понятіе о трудахъ Дмитріева-Мамонова, приведемъ нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Н. П. Дуровымъ, — изъ соч. Мамонова: «Любовь Псиши и Купидона, сочиненная г-номъ Дела-Фонтенемъ. 1769 г. 2 части» и оригинальное сочин. «Дворяннинъ Филосовъ. Аллегорія». Переводъ своей авторъ посвящаетъ «Красавицамъ супругамъ», которыя могутъ такъ влюбиться въ своихъ супруговъ, какъ прекрасная Псише была влюблена въ своего, и совѣтуетъ имъ не вѣрять тѣмъ, кто говоритъ что «супругъ любить супруга есть мѣщанство и будто неприличность». Тѣмъ же, кто, ссылаясь на неравные браки, будетъ говорить, что иногда такая любовь невозможна, онъ приводитъ примѣры счастливыхъ неравныхъ браковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ въ его пересказѣ: «Старый Полоній, когда собрался жениться на красавицѣ въ 18 лѣтъ, на разумной, прекрасной и добродѣтельной, однимъ словомъ сказать: она была лучшая вещь въ природѣ. Старикъ ея женихъ ходилъ съ костьюлемъ, согбася на изсохшихъ ногахъ, но въ угожденіе своей красавицѣ на онѣхъ ногахъ онъ бѣгалъ какъ въ 18 лѣтъ, и наряжался. Надувалъ щеки, чтобъ думали, что молодъ и часто заставлялъ двумъ своимъ челоуѣкамъ тануть одному лобъ вверху, а другому бороду книзу, и кожу сихъ мѣстъ привязывалъ такъ искусно, что на лицѣ его никто не примѣтилъ ни морщинки. Наконецъ оба они самымъ важнымъ образомъ были угодны другъ другу». Далѣе авторъ говоритъ, что Полоній обѣщавъ предоставить женѣ полную свободу веселиться и окружать себя поклонниками и не мѣшать ея веселію съ тѣмъ только, чтобъ послѣ весело проведеннаго дня она возвращалась къ нему. При этомъ совѣтуетъ старикъ мужьямъ, въ видахъ поддержанія семейнаго счастья.... Если супруги равныхъ лѣтъ, то они, подобно Купидону и Псише, съ утра до вечера неумолкая и даже всю ночь насквозь прыгаютъ, скачутъ и рѣзвятся и утѣшаются, измышляя какія бы выдумать новыя забавы. Но не приведи

Боже найти мужу въ женѣ медвѣдицу или женѣ въ мужѣ медвѣда, тогда они уже не будутъ походить на Купидона и Псише....»

Въ предисловіи къ читателю переводчикъ заявляетъ, что онъ природный россиянинъ и гордится тѣмъ, что онъ сынъ Россіи, превозшедшей весь свѣтъ славою; но говоря о писателяхъ, прославившихъ отечеству, онъ всгати приводитъ обращения изъ произведеній, т.-е. печатаетъ стихи Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковскаго, Хераскова и Майкова, желая облегчить читателямъ сравненіе талантовъ нашихъ литературныхъ знаменитостей; затѣмъ, переходя къ своему переводу, онъ пишетъ: «Правда то есть, что я избралъ для перевода нѣжнѣйшее изъ того, что г-нъ дела Фонтенъ чрезъ всю свою жизнь въ свѣтъ издалъ, и въ ономъ его сочиненіи самыхъ низкихъ словъ совсѣмъ нѣтъ; но признаюсь, что желая употребить приличный штиль или слогъ тутъ, гдѣ матерія онаго требовала, я имѣлъ навѣдчивѣйшій трудъ, потому что въ оригиналѣ слогъ хотя благороднѣе его нравоучительныхъ басенъ, но для героичнаго слога весьма низокъ, и охоту мнѣ подало переводить не штиль, но матерію.

«Знаю, что всему свѣту писателямъ нравится въ басняхъ низкій слогъ г. дела Фонтена, и многіе оному подражаютъ; но мнѣ не нравится; потому что благородный штиль всегда привлечетъ меня къ чтенію, а низкими словами наполненный слогъ я такъ оставляю, какъ оставляю и не слушаю тѣхъ людей, которые говорятъ степною рѣчью и произношеніемъ. Весьма приличенъ баснямъ штиль забавной, но мнѣ и шутовство пріятнѣе благороднаго, нежели самая низкая; напримѣръ въ 1-й книгѣ V басня, г. дела Фонтенъ называетъ волка *sig loup*: что на нашемъ языкѣ иначе не можно сказать, какъ наше величество волкъ; титулъ и въ баснѣ совсѣмъ неприличный для волка, но приличенъ льву. А при концѣ въ тойже баснѣ тогоже волка называетъ *maître loup*: паки неприличное волку названіе, потому что оное названіе пристойно токмо мастеру какого ни есть художества. Въ XX баснѣ V книги, называетъ медвѣда *seigneur ours*: что значить на нашемъ языкѣ государь медвѣдъ; также неприлично, потому что въ басенномъ слогѣ также оный титулъ свойствененъ изъ звѣрей одному льву. Въ VII баснѣ, тойже книги, Юпитера, во всей его огромности, называетъ онъ *jurin*, что однако невозможно на нашемъ языкѣ изъяснить, какъ юша, а въ XVII баснѣ тойже книги лисцу называетъ кумомъ, а цаплю кумой и паки въ III книгѣ V-я басня, ту же лисцу называетъ капитаномъ, а въ IV книгѣ, въ VI баснѣ, давъ имена мышамъ: Артапаксъ, Тизарпаксъ и Меридарпаксъ одними ими наполняетъ цѣлыя два стиха. И словомъ сказать, чѣмъ только могъ онъ дополнить свои стихи, то не разбиралъ ни пріятности, ни пристойности. Но его любовь Купидона и Псиши очищена отъ всѣхъ оныхъ низостей, и для того я оную, избравъ, по моему вкусу, перевелъ....»

Въ числѣ приведенныхъ выше образцовъ сочиненій лучшихъ авторовъ русскихъ помѣщена басня «Мужикъ со своимъ сыномъ и оселъ» въ переводѣ Ломоносова и Сумарокова. Это даетъ поводъ автору сравнить обѣ басни и онъ замѣчаетъ, что въ одной баснѣ содержаніе передано въ 18 стихахъ, въ другой въ 58, «и если II-я пьеса коротка, то для того, что въ III-й пьесѣ: мужикъ съ бородою: съ какою? съ сѣдою, а во второй того не упоминаютъ; во II написано: старикъ сошелъ съ осла и сына посадилъ». Послѣ ряда подобныхъ сравненій Мамоновъ дѣлаетъ выводъ: «Различныя авторы и разный слогъ, но дарованіе отличное есть въ изъясненіи — въ такомъ: что



лучше понять и разумѣть возможно». Въ заключеніе Мамоновъ говоритъ, что скрываетъ свое имя не потому, что онъ «не почитаетъ свойства автора весьма славными, а потому, что онъ родился не тщеславенъ».

Ред.

### Письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу.

Печатаемая въ настоящей книгѣ «Русской Старины» письма К. Н. Батюшкова относятся къ самому началу его поэтической дѣятельности и пополняютъ пробѣлъ въ его биографіи, начатой печатаніемъ года два тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ», но еще не оконченной. Батюшковъ, какъ извѣстно, родился въ 1787 г., а въ 1806 г. поступилъ на службу въ департаментъ мин-ва народнаго просвѣщ. (гр. Завадовскаго), откуда перешелъ вскорѣ на службу къ дядѣ своему, извѣстному Михаилу Никитичу Муравьеву. По обнародованіи манифеста о милиціи, Батюшковъ 1807 г. записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго ополченія, съ которымъ и выступилъ въ походъ въ мартѣ мѣсяцѣ, а 29 мая былъ раненъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, въ Пруссіи, и раненный отвезенъ въ Ригу. Изъ этого-то похода и изъ Риги писаны помѣщаемыя вслѣдъ за симъ письма.

П. А. Ефремовъ.

## 1.

Нарва. 1807. Марта 2\*).

Портфель моя уѣхала и я принужденъ писать на этой бумагѣ изъ Нарвы, усталъ какъ собака, но все пишу, сколько могу. Не забывай братъ меня, хоть строку напиши въ Ригу. Я здоровъ какъ корова. Я чай, твой Ахиллесъ пьяный столько вина и водки не пивалъ какъ я походомъ. Пиши ко мнѣ хоть въ стихахъ — музы меня совсѣмъ оставили за краснымъ кабакомъ. Дай хоть въ Ригѣ услышать отголосокъ твоего пѣснопѣнія.

Ужели слышать все докучный барабанъ?  
 Пусть дружество еще провинувъ тихимъ гласомъ  
 Хотя на часъ одинъ соединить съ парнасомъ  
 Того, кто невзначай Ареевъ вздѣлъ кафтанъ,  
 И съ клячей величавой  
 Пустился кое какъ за славой.

Вотъ тебѣ impromptu. Лучше не умѣю и не хочу.

Пиши, мой другъ, ко мнѣ, я тебя право люблю душевно, да какъ и не любить того, съ кѣмъ могъ отводить душу съ душой. Хозяинъ мой нѣмецъ, не поколотить-ли его? — А какъ не дать кофее? — Ну Богъ съ нимъ! Пусть и собаки въ покоѣ будутъ.

\*) На листкѣ въ 4-ку, толстой синеватой бумаги.